

Хильда Хафстейнсдоттир против Исландии

[Hilda Hafsteinsdóttir – Iceland] (№ 40905/98)

Постановление от 8 июня 2004 г. [вынесено IV Секцией]

Обстоятельства дела

За период с 1988 по 1992 год заявительницу шесть раз арестовывали и содержали под стражей в полиции. В первый раз она была доставлена в полицейский участок двумя водителями такси за то, что она отказалась заплатить им по счетчику. В четырех других случаях заявительница сама по собственной воле и явно без всякой цели в очень пьяном виде приходила в этот же полицейский участок. В последний раз, когда она была задержана, полицейские арестовали ее по вызову администрации гостиницы, которая обратилась в полицию с жалобой на поведение заявительницы.

Всякий раз в этих шести эпизодах заявительница проводила ночь в камере предварительного заключения, а затем наутро ее освобождали из-под стражи. Согласно составленным полицейским рапортам основанием для задержания заявительницы каждый раз было то, что она находилась в состоянии алкогольного опьянения и возбужденности, агрессивно вела себя по отношению к полицейским.

Заявительница подала в прокуратуру жалобы с просьбой привлечь к уголовной ответственности различных сотрудников полиции, но прокуратура не сочла, что имелись основания для проведения расследования. Тогда заявительница предъявила государству в суде иск с требованием выплаты компенсации за незаконные аресты полицией. Верховный суд Исландии отклонил ее исковые требования, установив, что для ее задержаний имелись достаточные причины и законные основания.

Вопросы права

По поводу подпункта «е» пункта 1 Статьи 5 Конвенции. Сторонами не оспаривалось, что каждый случай заключения полицией заявительницы под стражу и помещения ее в камеру предварительного заключения образовывал акт лишения человека свободы. На эти случаи заключения под стражу распространяется действие положений подпункта «е» пункта 1 Статьи 5 Конвенции, притом, что действия и поведение заявительницы были вызваны сильным действием алкоголя, и власти могли обоснованно предполагать, что такие действия влекут за собой угрозу общественному порядку. Что же касается вопроса о законности случаев заключения заявительницы под стражу, то Европейский Суд счел, что заключение под стражу во всех случаях отвечало нормам материального и процессуального права страны.

Однако что касается качественной стороны исследуемых по делу правил заключения под стражу, то Европейский Суд считает: нормы, на которые ссылается государство-ответчик, сформулированы нечетко, что касается конкретных мер, которые полиция была вправе применять в отношении задерживаемого; кроме того, эти нормы не содержат указания на максимально допустимый срок содержания под стражей в подобного рода случаях. Хотя инструкции для полиции, на которые ссылается государство-ответчик в защиту своей позиции, действительно содержат нормы, более детально регламентирующие усмотрение сотрудника полиции при решении вопроса о заключении лица под стражу, эти инструкции не предусматривают

заключение под стражу в случаях простого алкогольного опьянения лица, если может быть применена альтернативная мера принуждения.

Кроме того, Европейский Суд не нашел, что инструкции для полиции доступны для ознакомления с ними граждан. Поэтому использование полицией своего усмотрения и сроки содержания под стражей в полиции регламентируются одной лишь административной практикой, а не правовыми нормами. По этим причинам Европейский Суд не счел, что нормы права, как они существовали во время рассматриваемых по делу эпизодов, были достаточно четко сформулированы и доступны для ознакомления с ними граждан, чтобы по данному делу можно было бы избежать всякого риска проявлений произвола властей. Таким образом, лишение заявительницы ее свободы не было «законным».

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что по делу допущено нарушение требований подпункта «е» пункта 1 Статьи 5 Конвенции (принято пятью голосами «за» и двумя голосами «против»).

Компенсация

В порядке применения Статьи 41 Конвенции. Европейский Суд счел, что установление им факта нарушения положений Конвенции само по себе является достаточной справедливой компенсацией морального вреда, причиненного государством-ответчиком заявителю.